

Бабушка Акулина (Наброски). Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Бабушка Акулина (Наброски). Максим Горький

В осеннюю гололедицу, возвращаясь домой со сбора милостыни, бабушка Акулина поскользнулась, упала и сильно разбилась. Когда она барахталась на панели, пытаясь встать, её увидел знакомый полицейский, подошёл к ней и, думая, что она, по обыкновению, «выпимши», стал ругаться.

– Ишь, старая чертовка, – говорил он, – опять наклюкалась! И скоро ли только ты издохнешь? Сколько из-за тебя я разного беспокойства принял! Ах ты...

Он смотрел на неё сурово, тон его голоса был зол и резок, но бабушку Акулину всё это не смущало. Она знала, что он добрый солдат, зря её не обидит, в часть не отправит – разве первый раз ему приходится поднимать её на улице!

Он никогда не отправляет её в «каталажку», а всегда домой, если же ругается, так это ничего, – нельзя же, в самом деле, не ругать человека, который причиняет беспокойство.

И, стараясь загладить свою вину, она собрала все силы, желая подняться на ноги, но застонала, сморщилась и снова вытянулась на панели, охая и крича.

– Старая швабра! – сказал полицейский и стал поднимать её.

– Никифoryч, голубчик, не тронь! Разбилась я, видно.

– Ну! Вставай! Разобьёшься ты... как же...

– Ми-иный ты мой, Никифoryч, ноженьку мозжит... правую ноженьку... не тронь, погоди!

Умираю.

– Что ты, в самом деле, старуха! Как я тебя тут не трону? Лежишь на видном месте и орёшь, ну ин в уголок вон отползи, коли исправду что у тебя.

– Никифoryч, смерть моя пришла! Отвёз бы ты меня домой!

– Возись с вами, черти мохнатые! Извозчик!

Через несколько минут они оба уже ехали на извозчике. Бабушка Акулина сидела внизу пролётки и охала, а Никифoryч, мрачно насупившись, поддерживал её голову и уговаривал старуху:

– Эй, чёртова перечница! Будет уж... не скули!..

– Больно, голубчик.

– А кто виноват?

– О-ой! и деньги просыпала. Всё, старая шкура, потеряла.

– Какие такие?

– Милостыню... семь копеек!

– Эка сумма! Ф-ф! – фыркнул Никифoryч в свои рыжие усы.

– Да ведь, ми-иный! у меня народ на руках... Всякая кроха в дело идёт. Ой! вели ты извозчику-то потише ехать!

– Ты! – внезапно озлился Никифoryч, по-видимому, без всякой причины. – Деревня чёртова! Аль не понимаешь, что больную везёшь? Пошёл ровней.

Он смерил спину извозчика суровыми глазами и продолжал говорить старухе уже более мягко, чем раньше:

Бабушка Акулина (Наброски). Максим Горький gorkiyamaxim.ru
– Народ на руках. Очень ты глупая старуха. И что тебе дался этот народ? На-арод! Рвань разная, жульё, да девки, а она народ! Дура ты, старуха, вот что, и вредная дура, – потому портишь людей... Без тебя они, глядишь, работали бы, а ты их пичкаешь... Они рады, – бабушка Акулина, бабушка Акулина! – а сами верхом на бабушкиной шее катаются. Черти! Пороть бы их!

Да и тебя заодно с ними, не балуй народ. Н-да! Эй! ты... святая душа на костылях! Уснула ты? а?..

Но бабушка Акулина, откинув голову на колено полицейского, лежала неподвижно и не отвечала ни слова. Её лицо посинело, беззубый рот был полуоткрыт, глаза ввалились, и из-под сбитой с головы рваной серой шали выбились пряди полуседых волос, ещё густых и волнистых.

«А она, должно, и впрямь расшиблась...» – догадался Никифорыч, пристально посмотрев на неё. – А может, она это умерла? – вслух сказал он, обращаясь к извозчику.

Тот через плечо окинул нищю взглядом и кратко ответил:

– А бог её знает! Кажись бы, нету ещё.

– Верно, тепла потому. Всё-таки, пожалуй, её надо в больницу свезть.

– Н-ну! – сказал извозчик, – до дому-то ближе. Вон он, чай!

Никифорыч ничего не сказал. Извозчик поторопил лошадь:

– Ну ты! Плесень...

Бабушку Акулину привезли домой.

Не считая бабушку, лежавшую кверху лицом на примостках из досок, в маленькой, сырой и тёмной комнате подвального этажа народа было человек восемь: Адвокат – сивый и рваный мужчина, лет под пятьдесят, с опухшим от пьянства лицом, – сидел на столе; рядом с ним помещалась Марька Прощелыга, его сожительница, полная женщина с серыми тупыми глазами, полуидиотка, которую все, кому было не лень, колотили шутки ради, на что она никогда не обижалась, но чем всегда бывала изумлена, круглыми глазами осматривая шутника, только что кончившего мять ей шею или щупать ребра. На полу сидели четверо: семнадцатилетний Ярлык, уже трижды судившийся за кражи; его учитель Мамочка, сухой и длинный оборванец с совиными круглыми зелёными глазами, в рваном халате; Петр Исаич Бух, человек, с неделю тому назад только что отбывший три месяца тюремного заключения за растрату денег у своего хозяина, представительный молодой человек в бороде и усах, с бледным нервным лицом, и Настенька.

Они играли в карты «на пустышку». Настенька держала банк и, обращая то к тому, то к другому партнёру своё довольно миловидное, но очень избитое лицо, всё в ссадинах и кровоподтёках, возглашала хриплым голосом:

– Мечу! Сколько? Тыщу рублей? Идёт! Сотку? Бита! Я вас всех, миляги, обтеклешу!

Остальная публика жалась у стен в темноте, а на подмостках, в ногах у бабушки Акулины, сидел Отец Дьякон – какой-то послушник, флегматичный и громадный мужчина с большими чёрными глазами и с вихрастой шевелюрой, осыпавшей его крупную голову жёсткими прядями чёрных волос, украшенных соломинками, мочалками, перьями и тому подобным мусором.

– Кабы теперь достать тёртого картофеля с хлебом да к ноге-то ей и приляпать! – раздалось откуда-то от стены.

– Глина с уксусом, ежели её в чулок напихать да к ушибу приложить, тоже хорошо действует! – заявил с пола Мамочка и громогласно высморкался.

– Водка – вот первое лекарство от всяческих немощей человеческого естества! – возгласил Отец Дьякон.

Бабушка Акулина (Наброски). Максим Горький gorkiymaxim.ru
– Голубчики мои!.. – застонала бабушка Акулина так кротко и жалобно, что в подвале сразу сделалось тихо. – Родные... внучатки... бедные вы мои головушки... сделайте вы со мной Христа ради что-нибудь!.. прирежьте меня... приколите меня... мочушки моей больше нет!.. огнём горю живая... о-ох!..

Среди игроков произошло некоторое замешательство, все куда-то двинулись, а Настенька дважды кряду сбросила карту налево...

Отец Дьякон стал сумрачно чесать свою лохматую голову, Адвокат закашлялся и для чего-то ткнул свою соседку локтем в бок, на что та, по привычке, не обратила внимания.

Но скоро все оправились...

– Смотри, что делаешь!.. – строго сказал Ярлык Настеньке. – Мечи с начала...

Настенька со вздохом собрала карты и стала их тасовать. Адвокат поднял глаза и засвистал что-то унылое.

– Ничего, бабуся, потерпи, – заговорил Отец Дьякон и густо отхаркнулся, точно собираясь петь.

– Моченьки моей нет... Родимые детушки... – ныла старуха.

– Про-ойдёт, не беспокойся... ты у нас, бабушка, крепкая... – обнадежил её мамочка.

– Мозжит меня всю.

– Ничего не поделаешь, ты стони шибче, от этого легче бывает, боль-то обманывай криком, – посоветовал Дьякон.

– Господи! Иисусе Христе! Ой-й! что со мной будет... Умереть бы ин...

– Бита! – радостно возгласила Настенька. – Сколько бы я выиграла, ежели бы это на деньги играть.

* * *

Бабушка Акулина вдруг перестала охать и с полчаса молчала, совершенно неподвижно вытянувшись на своей постели.

– Уснула старуха! – сказал Дьякон и, подойдя к игравшим в карты, присел около них на корточки и что-то замурлыкал про себя.

Адвокат нахмурил брови, слез со стола и занял место Дьякона на койке. Он пристально всмотрелся в лицо бабушки и хрипло подтвердил:

– Верно... Спит!..

Но он ошибся.

Бабушка открыла свой беззубый рот, с сожалением почмокала губами и жалобно заныла:

– Никифорыч, друг! собери милостыню-то, Христа ради... ведь ждут её люди... и семь копеек найди, тут они, тут, шарь около забора-то... два семишника... один старый, другой поновее... Батюшка-барин! Убо-огой старухе на хлеб копейку по-одайте! Семья у меня. Детушки! вон он, кузовок-то... кушайте, много его сегодня... хлеба-то. А на выпивку нет! Тюх! не подадут деньгами-то... уж разве за всенощной.

Л-ларион мой дорогой!
В-выходи гулять со мной,
Я девчонка молода
На мо-орозе жду тебя...

Голос у старухи порвался, и она заметалась из стороны в сторону, дрыгая здоровой ногой и приговаривая и такт движениям:

– Тюх! Тюх! Тюх!

Бабушка Акулина (Наброски). Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Бредит... – сказал Адвокат, почёсывая переносицу. Игравшие в карты все встали с пола и столпились около больной, с любопытными улыбками разглядывая её.

– Ишь ты, пляшет! – догадался Ярлык и захохотал.

– Запляшешь, – хмуро протянул Адвокат. – А надо нам, братцы мои, чего-нибудь с ней сделать, она, видно, и в самом деле захворала.

– Водки бы ей дать. Этакой солидный стакашек, – со вздохом заявил Дьякон, облизывая губы.

– В больницу отправить, – сухо кинул Мамочка, отходя от койки.

– Так её и примут, держи карман шире... – скептически усмехнулся кто-то.

– Это верно, бумаг нет... и, тоже, как отправить? Извозчика надо... и прочее, а деньги?

– подтвердил Адвокат.

– А ежели, как прошлый раз Федяшку, – отвезть её к больнице, да и подбросить там... небось, так-то примут! – предложила Настенька.

– Отвези... Ты бы лошадь была хорошая, жаль вот пролётки нет, – съехидничал Ярлык.

– Детушки мои, кушайте! пирог там есть с капустой, целый он, грешница... с лотка я его спёрла, он загляделся, а я... Никифорыч! не бей ты меня, старую пьяницу...

– Эх ты, старуха! – вздохнул Адвокат.

– Есть-то как? Имеем? – раздался голос из угла каморки.

– А и впрямь, поесть бы! – поддержал Мамочка.

– Где старухина торбочка? – спросил Ярлык у Настеньки.

Стали искать торбочку и не нашли. Это обстоятельство произвело на всех неприятное впечатление.

– Эх, чёрт! – выругался кто-то.

Переглянулись друг с другом и замолчали все, думая, очевидно, об одном и том же.

– Как же мы теперь, братцы мои, питаться будем, ежели старуха-то того? – жалким голосом спросил Дьякон. Молчание прервалось.

– Н-да-а?

– И вправду?

– Ведь, ежели говорить начистоту, – старухиной милостыней мы живы-то были!

– Ну, теперь надо будет самим о себе заботиться: старуху заездили, – сурово произнёс Адвокат.

И все съёжились и потемнели.

– Кушайте, детушки, пока я жива... я вас... – бредила бабушка Акулина.

А её почтенные внуки чувствовали себя весьма смущёнными развернувшимся перед ними истинным смыслом события.

* * *

Бабушка Акулина была филантропкой Задней Мокрой улицы. Она собирала милостыню, а в виде подсобного промысла иногда, при удобном случае, немножко воровала. Около неё всегда ютилось человек пять-десять «внучат», и она всегда ухитрялась всех их

Бабушка Акулина (Наброски). Максим Горький gorkiymaxim.ru
напоить и накормить.

«Внучатами» являлись самые отчаянные пропойцы-босяки, воры и проститутки, временно, по разным причинам, лишённые возможности заниматься своим ремеслом.

Бабушка Акулина не умела делить людей на достойных и не достойных её внимания и одинаково тепло и радушно относилась ко всякому, кого судьба толкала в её землянку.

Вся улица знала её, и слава о ней выходила далеко за пределы улицы. Но всё-таки, на языке босых и загнанных людей, «попасть во внучата» значило дойти до самого печального положения; поэтому бабушка Акулина как бы знаменовала собой крайнюю ступень неудобств жизни и, пользуясь большой известностью за свою филантропическую деятельность, не пользовалась любовью со стороны опекаемых ею людей.

Пребывание около неё имело ещё и очень крупное неудобство, – она слишком хорошо была известна полиции, и, когда последняя искала какого-нибудь интересующего её субъекта, она почти всегда начинала поиски с землянки бабушки Акулины. Те из босяков, которые ещё могли как-нибудь перебиваться, сторонились от бабушки, и только самое отчаянное стечение обстоятельств и перспектива голодной смерти загоняли к ней людей.

Ко всему этому, бабушка Акулина имела крайне отталкивающую наружность. Низенькая, всегда почти полупьяная, в невероятно рваных и грязных лохмотьях, с морщинистым и обезображенным шрамами от разных увечий, нанесенных ей её же «внуками», лицом, среди которого возвышался разбухший багровый нос, и красными слезящимися глазами, – она, по справедливости, заслужила эпитет «киевской ведьмы», который давным-давно укоренился за ней в улице. Когда она шла по улице, согнутая временем в дугу, стучая в панель своей палкой, вечно улыбаясь беззубым чёрным ртом и о чём-то скрипуче разговаривая сама с собой, она представляла собой отвратительный ком живой пахучей грязи. Да, она никак уже не могла надеяться возбудить к себе симпатию. И при всём этом, старуха, к несчастью, которого она, может быть, не чувствовала, не могла жить без людей около себя, и, если иногда судьба не загоняла к ней «внучат», – бабушка Акулина старалась исправить этот недосмотр судьбы и сама затаскивала к себе всех, кого могла.

В мире «отбросов общества» – в этом печальном и грустном мире – есть свои отвергнутые, и бабушка Акулина принадлежала к последней категории их.

* * *

– Вот так фунт с походом! – воскликнул Ярлык, разрешая общее напряжённое молчание.

– Дела наши – табак! – сказал Дьякон.

А Адвокат мрачно подтвердил:

– Последнего приюта мы лишились!

– Н-ну, приют-то останется за нами, – успокоительно протянул Мамочка. – А как и чем мы сегодня будем питаться, – вот это штука.

– Н-да, на сей день мы лишены пищи, – грустно проговорил Дьякон.

– Попищишь, попищишь, да с пустым брюхом и ляжешь! – сострил Ярлык.

– Детушки... водицы бы! – открыв глаза, прошептала больная...

Настенька дала ей воды. Старуха напилась, перекрестилась дрожащей рукой и обвела всех глазами. Потом она тяжело вздохнула и странно двинула головой по куче тряпья, на которой она лежала.

– Господи, сколько вас! – заговорила она своим скрипучим голосом, дрожащим от слабости и ещё более неприятным поэтому. – Того вон я не знаю... кто это ты?

– Я – Бух...

Бабушка Акулина (Наброски). Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Ну, Бух, так Бух, бог с тобой... всё равно человек. Все мы люди одинаковые. А я вот умираю, братценьки... Умираю, старуха, господь с вами! Жила, грешила, пьянствовала, воровала... вот умру и ничего такого больше не буду делать...

– Это ты правильно, – мёртвому человеку, должно быть, и выпить никогда не хочется, – шутливо подтвердил Дьякон.

С возвращением к бабушке сознания к нему возвратилась надежда на возможность чего-нибудь поесть сегодня.

– Ничего не хочется, да! А вы простите меня... И вас всех господь простит. Не любили вы меня, старуху, ну, это ваше дело. Я любила вас, ей-богу!.. Прощайте, спаси вас царица небесная!

Старуха снова перекрестилась.

– Ну, это ты, баушка, брось! – хмуро сказал Адвокат. – Поднимешься... полежишь и встанешь...

– Нет, уже не встану. Вся как есть разбилась, – видно, печёнки отбила. Вон как горю...

Прощайте!

– Бабка! – остановил её Мамочка, – брось-ка ты это, – лучше вот что скажи: ты собрала сегодня чего?

– Я-то? Отшибло память, не помню. Кажись, собрала... Как, чай, не собрать? Всегда ведь собирала...

– А куда оно делось? – осведомился Дьякон.

– Не знаю... Кто меня поднял? Никифорыч? У него, поди...

– Добеги-ка, Настенька, узнай.

– Пойду я на улицу с такой-то битой рожей!

– Я те швырну, так ты полетишь, а не пойдёшь!

– Дьявол!

– Не ругайтесь, дети... не нужно... дайте мне другие какие слова услышать... Умираю ведь... поверьте – умираю... Вот что, детушки: в головах у меня в коробочке трёшна есть бумажкой... так это я на гроб себе... припасла... выньте... как помру я... и...

Она задыхалась, – и на лбу у неё выступил пот. Публика молчала, пристально и сосредоточенно рассматривая её, и это молчание продолжалось минуты две.

– Бабушка Акулина... – глухо начал Дьякон.

– А?

– Вот что, ты не обижайся на меня. Только я скажу... вот что, – мёртвому человеку всё равно... он ничего не хочет, а мы живые. Тебе что? Ты в гробу или без гробу... всё равно; гроб-то всегда от полиции будет. Ты дай-ка нам трёху-то, – мы бы поели.

– Не надо... что ты? – шепнул Адвокат.

Дьякон посмотрел на остальную публику.

Она ждала конца его предприятия, – жадно ждала, он видел это.

– Нам-то тоже, что ли, помирать? – шёпотом же ответил Дьякон и, наклонясь к старухе, спросил: – Как же? Возьмём мы?

Бабушка Акулина раскрыла рот, почвакала губами и еле слышно проговорила:

– Берите, берите, дура я старая... ишь ведь, перед смертью-то забыла про вас было... берите... вот тут... конечно... гроб от полиции... дура.

И замолчала.

– Ярлык! Лети! Духом! – торжествующе шептал Дьякон, выволакивая из-под изголовья белую аптечную коробочку с трёшницей.

Ярлык сделал гримасу и исчез.

– Отойдём от неё, братцы, надо покой дать человеку, – предложил публике догадливый Дьякон.

Публика отхлынула от бабушки Акулины. Она осталась одна на куче тряпок. Её серое лицо ярче выделялось на их фоне. Лежала она неподвижно и лишь иногда слабо стонала.

Никто не заметил, когда именно она умерла.

* * *

А хоронили её на другой день. Гроб стоял на телеге, извозчик без шапки шёл рядом с телегой и протестующе говорил, обращаясь к Никифoryчу, шагавшему с разносной книгой в руках по другую сторону катафалка бабушки Акулины:

– Говорю я правду. Али это порядок? Хвать человека – вези! На, везу! А кто мне рубль додаст? А-а?! Я бы работал на хлебном базаре за полтора рубля, – а здесь мне полтину сунут. А опосля-то не попадётся. На сколько время проваландаюсь с вами? А мне на полтину-то лошадь не прокормить, – вот оно что, друг.

Но Никифoryч не обращал внимания на воркотню извозчика. Рядом с ним, старым солдатом, выдавшим виды на своём веку, шёл Адвокат, согнувшись в три погибели, без шапки, с завязанными грязной тряпкой ушами и засунув руки глубоко в рукава какой-то рваной кацавейки. Никифoryч внушительно говорил ему:

– Старуха была для вас, чертей, – мать. Зашибала она, но это ничего. Воровала – опять для вас. Видишь? И вот я её провожаю и ты. И, если бы меня не послали, выпросился бы и пошёл проводить старуху. Понял? Я, брат, людей вот как вижу, – насквозь. Н-да. А вот ты умрёшь, а умрёшь ты ско-оро, брат. Уж меня не обманешь, нет, я по роже вижу: скоро ты умрёшь! Но тебя я провожать не пойду, коли меня не пошлют. Ни-ни! Потому, что ты такое? Плесень.

Адвокат вскинул свои бесцветные глаза на Никифoryча и криво улыбнулся.

– Мне не надо, не ходи...

– И не пойду. И поезжай ты в могилу один.

– Ну так что? И поеду.

– И поедешь, – потому, что ты есть? А старуха была мать вам... Сердце у ней было.

Понял?

Была оттепель, шёл снег.

Крупными, тяжёлыми и мокрыми хлопьями он падал на гроб бабушки Акулины, и весь этот простой, сосновый некрашенный гроб был мокр от снега, таявшего на нём. Так-то вот хоронили бабушку Акулину, воровку, нищую и филантропку Задней Мокрой улицы.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

Бабушка Акулина (Наброски). Максим Горький gorkiymaxim.ru
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!